

МЕДВЕЖЬЕ ГОРЕ

рассказ

Во второй половине сентября, в небывало позднее для плавания в Арктике время, «Георгий Седов» поднял якорь и снова вышел на Большую дорогу Северного морского пути. Но вскоре он резко свернул к северу. У него был свой маршрут — к «Земле самой северной», как называл этот архипелаг мой новый знакомый, доктор географических наук Валентин Гаврилович. Он сел к нам на острове Диком вместе с научной экспедицией, которая должна была исследовать архипелаг.

Состояние льдов в западном секторе Арктики было для нас исключительно благоприятным. Собственно говоря, льдов долгое время не было совсем, кругом расстилался безбрежный океан. Сильно покачивало. Наконец мы дошли и до льдов.

Когда корабль вошел в лед, качка мгновенно прекратилась. Пассажиры выбрались на палубу. Выглянуло солнце и показало нам удивительные неповторимые краски, очень тонкие и нежные. Мне сказали, что они здесь никогда не бывают яркими. Белые поля расступались, образовав зеленоватые озера, тихие, как заводи.

Но вскоре солнце исчезло. Нас окружила мутная тьма. Видимость, как говорят моряки, пропала. Корабль вошел в полосу чистой воды и сплошного тумана.

Недаром так не любят моряки это море. Бури и туманы.

— Уж лучше бы льды, — говорил Борис Ефимович.

В довершение всего вещи в каютах ожили. Корабль валило с борта на борт. Я с трудом открыл дверь в каюту. Мой чемодан вырвался из-под койки и вместе со стулом носился по каюте. Графин выскочил из гнезда на полке и разбился.

Словом, был полный разгром.

Палуба уходила из-под ног. По ней было удобнее ползать, чем ходить, она напоминала скат крыши, угол которого все время менялся.

И вот при такой качке в непроглядном тумане наше судно третьи сутки осторожно бродило близ «Земли самой северной». Капитан искал архипелаг, но в то же время боялся неожиданно наткнуться на него или на айсберги, в изобилии плывшие от островов.

Трудное дело — определиться в тумане. Солнце или звезды не показывались ни на минуту. Радиопеленг из бухты Рубиновой словно издевался над капитаном. После каждой проверки корабль оказывался за несколько десятков миль от меридиана бухты Рубиновой.

— Бухта Рубиновая в центре архипелага, — объяснил Борис Ефимович. — Радиоволны искажаются береговыми скалами.

Прежде мне никогда не приходилось слышать об этом явлении. Несмотря на прекрасное навигационное оборудование, корабль и теперь в большой мере зависел от искусства капитана.

Туман был очень густой. Небо словно висело на мачтах, и до самой дальней из видимых волн можно было добросить спасательный круг.

Я и Валентин Гаврилович, высокий, жилистый, с обветренным лицом и рассеянными голубыми глазами, стояли на палубе, прижавшись спинами к паровой трубе. Было тепло, как у печки.

Вдруг неясная громада появилась из тумана.

— Право на борт! — послышался тревожный голос штурмана Нетаева.

— Еще право! Еще право! — закричал он.

Хлопнула дверь капитанской каюты.

— Медведь, — спокойно сказал географ.

Раньше чем осознать что-нибудь, я увидел белого медведя. Он стоял на айсберге и был на одном уровне с палубой. Мне показалось, что зверь собирается прыгнуть нам на головы.

Но медведь рванулся и побежал к вершине айсберга. Там он лег и прикрыл лапой свой черный нос. Очевидно, решил, что теперь его не видно.

Ледяную гору пронесло. Покрытая снегом с боков, хрустальная, она поднималась над водой громадой четырехэтажного дома. Я знал — в глубину уходило еще этажей четырнадцать. В отвесной ледяной стене темнел грот. Взлетали клубы пены.

Туман вдруг исчез.

— Вот земля, существование которой угадал Кропоткин, — сказал Валентин Гаврилович, показывая на горизонт. — Именем Кропоткина и следовало бы ее назвать.

Подошел Борис Ефимович и, улыбаясь, сказал:

— Чуть было не взяли медведя на борт. А взять все-таки придется, — и он показал радиограмму: «Убедительно просим захватить в бухте Рубиновой медведя для зоосада».

— Медвежонок будет нашим пассажиром? Занятно! — сказал мне в кают-компании Нетаев, сменившийся с вахты.

Вскоре корабль бросил якорь в бухте Рубиновой у подножия самой замечательной скалы Севера, которой бухта обязана своим названием. Летом поросшая лишайником красноватого цвета скала кажется рубиновой. Стены ее отвесны, сама скала высится, как исполинский постамент. Установи на нем скульптуру ему под стать, и достанет она до самого северного сияния.

С берега на юркой шлюпчонке спешили полярники. Первым по штурмтрапу ловко взобрался молодой грузин с черными сросшимися бровями и тоненькими усиками, какие носят у него на родине. Он сразу же обратился к капитану:

— Очень прошу, пожалуйста, заберите от нас медвежат.

Узнав о радиограмме насчет медвежат, зимовщик просиял и попросил у капитана два мешка угля.

Уголь ему дали, и веселый молодой человек тотчас стал спускать мешки в шлюпку.

— Слово не с углем мешки, а с гагачьим пухом, — пошутил капитан.

Полярник покраснел, как девушка.

Позднее мы узнали, что в прошлом году он поднимался на Рубиновую скалу за птичьими яйцами и чуть не погиб там. Нужно было перепрыгнуть через трещину на узкий карниз отвесной стены. Он прыгнул, но камень под его ногой обвалился. Чтобы не упасть, пришлось прижаться к стене всем телом. Повернуться, чтобы прыгнуть обратно, было невозможно. Его товарищи побежали на полярную станцию за помощью. Напряженные мускулы охотника одеревенели, стоять недвижимо больше не было сил, он должен был сорваться. И тогда он рискнул прыгнуть назад, не повертываясь... Оттолкнулся от стены одновременно руками и ногами и оказался по ту сторону трещины.

Когда товарищи прибежали с досками и веревками, смельчак как ни в чем не бывало собирал гагачий пух. Пух ему был нужен для подарка. На случай в горах и намекал капитан. В прошлом году он побывал в бухте Рубиновой и знал эту историю.

«Петушок» спустили в воду. Географ пошел за вещами. Но вот в бухту вошла целая флотилия льдин. Встревоженный капитан приказал поднять катер обратно. Географ вернулся с чемоданом. Ему не терпелось сойти на берег, и он проклинал приливо-отливное течение. Течение это направлено сначала в одну, а потом в другую сторону. И через некоторое время, когда течение изменилось, набившиеся в бухту льдины, словно по команде, покинули ее.

Катер снова спустили. Валентин Гаврилович сошел в него первым. Я решил отправиться на берег вместе с ним.

— Посмотрите на медвежат, — напутствовал меня Нетаев.

Нас встречало все население полярной станции, в том числе и большой белый медвежонок. Он, видимо, был очень любопытен. Ему обязательно хотелось посмотреть, что творится на пристани. Вытянув вперед острую морду, он осторожно тыкался во все углы. Другой медвежонок сидел на цепи у столба, возле дома полярников.

Заметив, что я смотрю на гуляющего медвежонка, молоденькая девушка в легкой курточке сказала мне:

— Это моя Машка.

Девушка была маленькая, с веселым лицом. Ее прямой носик был чуть срезан и придавал девичьему лицу задорное выражение. Звали ее Нина.

— Я вас познакомлю с Машкой, хотите?

Со своей проводницей я подошел поближе к Машке. Но стая лохматых псов опередила нас. Отчаянно лая, они окружили медвежонка. Машка опустила голову к земле и замахивалась лапой то на одного, то на другого пса. Те увертывались, а остальные отвлекали Машку на себя. Все было, как на настоящей медвежьей охоте.

Отбиваясь от собак, Машка отступала к столбу где другой медвежонок — Мишка — изо всех сил натягивал цепь и угрожающе рычал.

Наконец Машка оказалась возле Мишки. Они «заняли оборону», став друг к другу хвостами. Собаки уселись в кружок, некоторое время скучающе полаяли и разбежались с сознанием выполненного долга. Порядок был наведен.

— Собаки терпеть не могут, когда Машка гуляет, — сказала Нина. — Они гонят ее к столбу, там Мишка всегда сидит на цепи. Но Машка ужасная непоседа. Она всюду ходит за мной, как собачонка. Лазит по лестнице на вышку, на крышу. Умеет открывать двери, снимать крючок, забираться в дом. Она постоянно меня ищет.

— Она вам совсем маленькой досталась? — спросил я.

— Досталась! — непонятно усмехнулась девушка.

Мы подошли к медвежатам, если так можно было назвать этих сравнительно уже больших зверей. Мишка, как и подобает взрослому, серьезному медведю, недоверчиво косился на нас, а Машка с любопытством тотчас стала меня обнюхивать.

Я попытался погладить медведицу, для чего нагибаться почти не потребовалось.

Машка отнеслась к этому благосклонно.

Потом я пошел осматривать полярную станцию а кстати решил найти моего спутника, Валентина Гавриловича, и полюбопытствовать, как он устраивается.

— Да он уже давно встал на лыжи и пошел обследовать остров, — без тени удивления ответили мне.

— Вот как!

Я едва успел дойти до столба с медвежатами, а мой географ с карабином и планшеткой уже шагает по ледникам!

— Познакомились с нашей медвежатницей? — спросили меня.

— С Ниной, которая вырастила медвежат?

— Не только вырастила. Она сама их добыла. Она у нас замечательный охотник.

Признаться, я был удивлен. Такая хрупкая, нежная девушка, и вдруг...

Встретившись с Ниной, я попросил ее рассказать, как она бьет медведей. Оказалось, что на ее счету больше десятка шкур. Иногда она ходит на охоту, но чаще встречается с мишками неожиданно.

— Однажды ночью вышла я на крыльцо, в халатике, — рассказывала она. — Надо было посмотреть облачность, я ведь метеоролог, и вижу: огромный медведь трясет лапами столбик метеобудочки. Я так испугалась...

Испуганная девушка в развевающемся халатике стремглав бросилась в дом, схватила со стены винтовку, выбежала с нею на метеоплощадку и с одного выстрела уложила большого медведя.

— Очень уж я испугалась, что он ломает будочку, — словно оправдываясь, объясняла Нина.

Я попросил Нину рассказать, как ей «достались» Мишка и Машка.

— Мишку с матерью я встретила на льду. Собак со мной не было. Я подбила медведицу, она залезла на ропак, — это такая стоячая льдина. Медвежонок, совсем маленький, остался внизу. Когда мы поволокли по снегу тушу медведицы, Мишка забрался на нее, вцепился лапами в шерсть, да так и ехал на матери до самой станции. Потом я

откармливала его. Сгущенного молока мне из-за него в ту зиму так и не досталось. Только он все равно вырос сердитым, не то что Машка. А вот она вместе с матерью сама пришла прямо на станцию...

Мишка и Машка были ровесники, хотя Машка была крупнее Мишки. Дружили они необычайно и друг без друга минуты прожить не могли. Это, пожалуй, больше относилось к Мишке, который всегда был прикован к столбу. Как только непоседливая его подруга куда-нибудь уходила, он обиженно ревел.

У причала кипела работа. Начался аврал. Работали все без исключения: и начальник полярной станции, и Нина, и Виктор, полярник, получавший у нас уголь, и научные сотрудники, и мы — пассажиры. Таковы арктические традиции.

Одного только географа не было. Раз мне показалось, что вдали, на куполе ледника, мелькнула фигура лыжника. Может быть, это был он.

Дня через два аврал закончился. Грузы — продовольствие, бензин, оборудование, ящики, доски — все было на берегу. Забирали грузы со станции — пустые бочки. Предстояло взять и медвежат, которых ждали в зоопарке. Я помог перенести со склада ящик, куда решили поместить зверей.

Виктор и Нина привели на цепи Мишку, а Машка шла за ними кроткая и покорная. Пока готовили доски, чтобы забить ими ящик, Мишку привязали на цепь к бочке с керосином. Машка доверчиво бродила около ящика, попадаясь всем под ноги. Но Мишка был настроен не так мирно. Он стал реветь.

— Ну, чего реवेशь? — увещевал его Виктор. — В столицу поедешь. Всегда сытно кушать будешь.

Мишка принялся рвать цепь. Ошейник не выдержал и лопнул. Медвежонок бросился наутек. Машка следом за ним.

Виктор ринулся за медвежонком, на ходу снимая полушубок. Догнав Мишку, он упал на него, как вратарь на мяч, и накрыл медведя полушубком.

— Вот чудак... — задыхаясь, говорил Виктор, лежа на медведе и стараясь просунуть руки под передние лапы зверя. — В зоопарке... ведь не в клетке будешь жить.

Однако Мишка возмущенно ревел и сопротивлялся. Только потом мы узнали, что Мишке удалось цапнуть своего противника за руку.

Виктор выпрямился, подняв завернутого в полушубок медвежонка. Мишка орал истошно, бил всеми четырьмя лапами, вертел мордой, но был беспомощен.

Виктор, покраснев от напряжения (медвежонок весил не меньше куля с углем), нес Мишку к ящику. Машка покорно шла следом.

Так Мишка попал в ящик, где и замолчал.

Тут заволновалась Машка. Она была спокойна до тех пор, пока слышала голос друга. Но теперь она стала реветь, бегать вокруг, тревожно нюхая снег.

Виктор беспечно подошел к ней, но медведица уже что-то почуяла. Взволнованно засопев (медведи при тревоге сопят), она отбежала от него. Виктор прыгнул к ней, но Машка увернулась, Виктор решил применить уже испробованный метод: окинул полушубок и бросился на Машку. Машка (она была сильнее Мишки) легко вырвалась и ударила противника по лицу.

Медвежья пощечина!

Виктор отлетел от медведицы на добрых два метра. К нему кинулись, чтобы поднять его, но он вскочил на ноги и пустился за Машкой.

Виктор настиг медведицу у берега, но она бросилась в бухту. Ее преследователь влетел по колено в ледяную воду. Подбежав, Нина силой вытащила Виктора на берег.

Машка плыла к льдине.

Через некоторое время все успокоилось. Медвежонок увезли на пароход.

Машка вылезла из воды и поплелась к своему столбу. Она подпустила к себе Нину, которая принесла ей еду, но есть не стала.

Виктор позвал Нину и дал ей веревку с петлей. Нина хотела надеть петлю на медведицу.

Девушку пытались отговорить, но она сказала:

— Это ведь не медведь. Это только Машка. И потом... в зоопарке ей будет хорошо, а здесь... она погибнет. Ей придется... погибнуть...

Все мы наблюдали за тем, что произойдет.

Нина подошла к медведице, протянула руку с веревкой.

Медведицу словно подменили. С глухим ревом она увернулась. Тогда Нина навалилась на медведицу, оседлала ее, схватив со спины руками и ногами. Она применяла силу к своей любимице, чтобы спасти ее.

Машка зарычала, но Нина не отпускала. Медведица трянула Нину, но та продолжала ее держать. Виктор был уже в нескольких шагах. Но тут медведица сбросила с себя девушку. Что-то белое взметнулось над местом схватки: не то снег, не то пух... Вместо безобидной Машки мы увидели свирепого сильного зверя. Виктор смело бросился на него все с тем же полушубком. Зверь пустился бежать. Оба они скрылись за магнитным павильоном.

Мы подбежали к Нине, но она уже встала. Ее курточка была разодрана, над землей кружился гагачий пух, по руке текла кровь. Оказывается, медведица сильно укусила ее.

— Ничего мне так не жаль, как курточки, — сказала Нина, морщась от боли. — Ведь этот пух — подарок... Какая глупая, глупая Машка... Как же ее спасти?

Нину повели на станцию, чтобы сделать перевязку.

Вернулся запыхавшийся Виктор.

— Застрелить надо медведя, обязательно застрелить, — сказал он. — Но только тайно от Нины. Знаете, как она любит Машку.

С Виктором согласились. Нельзя взрослому зверю оставаться с людьми на полярной станции.

Был вечер. Над бухтой горела долгая северная заря. Все изменилось вокруг. Прозрачно-оранжевое небо, зеленоватая вода, белые льдины на ней, темно-красная громада Рубиновой скалы и темный силуэт нашего

корабля. А дальше — в проливе между бухтой и соседним островком — причудливые ледяные громады. Некоторые напоминают дом с провалившейся крышей, некоторые — снежную горку со скатом в воду. А самый большой айсберг походил на древнюю ладью с высоким носом и кормой.

Вдруг я заметил на одной из ближайших льдин медведицу. Она неподвижно стояла, вытянув морду вверх к кораблю, и напоминала изваяние. Слитая с льдиной, словно сама сделанная из льда и снега, медведица проплывала мимо корабля. Но она была не из льда, она была живая, она тоскливо ревела!

Я услышал ответный рев с корабля. Мишка узнал подругу.

Течение быстро пронесло медведицу мимо. Стоя на берегу, я заметил, как Машка прыгнула в воду и с ловкостью дельфина поплыла к берегу. Она выбралась на камни и побежала к полярной станции, рыча тихо и жалобно. Ей попадались собаки. Они отбегали в сторону, будто уважая чужое горе.

Машка побежала по берегу против течения и снова бросилась в воду.

Через несколько минут она была на новой льдине и вновь поплыла мимо корабля. И вновь ревели разлученные друзья.

Потом Машка опять забежала против течения по берегу... Можно было удивляться этому необыкновенному упорству. Снова и снова проплывала Машка мимо корабля.

Люди с изумлением смотрели на нее. Не слышно было шуток.

Моряки прощались с полярниками: пароход уходил перед рассветом.

Пришел мой спутник — географ. Все это время он работал над статьей о ледниках бухты Рубиновой. Я должен был отвезти рукопись в Москву. Из-за этой статьи он не участвовал в аврале. Товарищи охотно освободили его от всех обязанностей, но он слышать об этом не захотел и добровольно принял на себя обязательство топить баню в течение всей зимы.

— Итак, наши трофеи: статьи и медвежонок, — сказал я, взяв рукопись.

— Какой медвежонок? — удивился доктор географических наук. — Разве здесь были медведи?

Я от души рассмеялся. Ах, доктор, доктор! Мы обнялись.

Я пожал руку Нине, Виктору и перешел на катер. Отсюда была хорошо видна вся территория полярной станции. На берегу стояла толпа людей. Невольно я взглянул на столб, около которого впервые увидел медвежат. Там была Машка. Она стояла, обняв столб лапами, и трясла его. До меня долетел ее горестный рев. В движениях, в реве медведицы было отчаяние.

Я взглянул на Нину.

— Я все-таки спасу ее, — тихо, но твердо сказала девушка.

На мгновение брови ее сошлись. Потом она улыбнулась нам, отъезжающим на Большую Землю. Нина оставалась здесь, на краю земли, еще на год. Я решил, что Нина хочет увести Машку далеко во льды и там оставить.

Катер отошел.

Стало темно.

С корабля уже не было видно полярной станции. Погасли последние огни в домиках. Спать не хотелось. Я дождался часа, когда уже угадывались краски рассвета. Капитан приказал прощаться с полярниками. Борис Ефимович хорошо знал, как ценят на Севере даже маленькие знаки внимания.

Одна за другой взлетели в воздух ракеты. На миг появились из тьмы крутые берега, ледники и темная громада Рубиновой скалы. Некоторые ракеты падали в бухту, не успевая сгореть. Тогда в воде мерцали пятна подводных огней.

Когда берег освещался, я видел домики станции и одинокий столб.

Около столба никого не было.

Спустя много дней мы шли в чистом ото льдов море.

Капитан рывком открыл дверь каюты.

— Медведь на палубе! Осторожнее!

Медведь на палубе? Невольно вспомнился айсберг с медведем, который мог прыгнуть на корабль. Но ведь айсберги остались далеко позади.

Оказывается, клетка Мишки была пуста. Видимо, он, как и Машка, умел снимать крючки, но до поры до времени скрывал это. Теперь он сбежал из клетки.

Мишку искали по всему кораблю, но не нашли.

Он исчез.

Решили, что он спрыгнул в море...

— Не погибнет, — уверял Борис Ефимович. — У медведей замечательный обычай: если медведица встретит во льдах одинокого медвежонок, она усыновляет его...

Но льды далеко, очень далеко...

Смог ли медвежонок доплыть до льдов?

Едва ли...

А может быть?

Но все выяснилось, когда третий штурман Нетаев вернулся с вахты в свою каюту.

У него под койкой спал белый медвежонок!

Молодой штурман был единственным человеком, который нашел путь к сердцу зверя.

Он наблюдал всю сцену медвежьего горя. Оно тронуло его, и он занялся Мишкой. Стал заходить к нему в клетку, кормил его, ласкал, чему-то обучал. И Мишка привязался к новому другу. Видимо, соскучившись по своему покровителю, он и сбежал из клетки. По запаху нашел каюту штурмана и проник в нее через приоткрытую дверь. При качке дверь захлопнулась.

Пожалуй, самым трогательным во всей этой истории с медвежатами был финал, в котором я, к сожалению, не принимал участия.

Нина и Виктор все-таки спасли Машку.

Конечно, зверя, привыкшего к полярной станции, знающего к ней дорогу, нельзя было оставить на свободе.

И Нина с Виктором, взяв успокоившуюся, покорную Машку на веревку, проделали вместе с ней шестидесятикилометровый переход на лыжах.

Они добрались до соседнего пункта, куда должен был зайти полярный корабль «Норд».

Машка благополучно попала на борт «Норда», где, как рассказывают, свободно разгуливала по палубе и была общей любимицей.

«Норд» пришел в Архангельск следом за «Седовым», и в порту произошла встреча Мишки и Машки.

Мне рассказывали, что звери тотчас узнали друг друга, ласково ткнулись мордами и, засопев, заняли оборонительную позицию, хвостами внутрь воображаемого круга.

В тот вечер, когда Мишка нашелся в каюте Нетаева, мы уже знали о том, что Машка на «Норде». Нетаев страстно спорил в кают-компании — можно ли стрелять белых медведей? Он напоминал о запрещении убивать белых медведей, если они не нападают сами на людей. А нападают они исключительно редко.

Окончив спор, все мы под влиянием Нетаева высказали пожелание, чтобы в нашей стране был создан всесоюзный заповедник белого медведя.

Его можно организовать на Дальней Земле или севернее определенной параллели.

— Уж если где было в последнее время медведям приволье, так это на острове Ледниковом, — сказал капитан, вставая, чтобы идти на мостик. — Последние пять лет туда ни один корабль не мог пробиться.